

*В. Э. Мамедова***КОНЦЕПЦИЯ ДОПУСТИМОСТИ И ПРЕДЕЛОВ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК ОСНОВА ДВУХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЛЕНОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ**

© Мамедова Владислава Эдуардовна (vladislava0804@mail.ru), ассистент кафедры государственного и административного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Автор 10 научных работ, в т. ч. научных статей: «Нормативное регулирование института ответственности членов политической партии», «Специфика развития корпоративного регулирования политических организаций в России в период отсутствия их законодательной институционализации (до начала XX века)».

Область научных интересов: публичное право, конституционное право, партийное право.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме правового и партийного регулирования ответственности членов политических партий. Целью статьи является разработка теоретической концепции, применение которой легло бы в основу построения сбалансированного двухуровневого регулирования внутрипартийной ответственности. В качестве нормативной базы для разработки концепции автор предлагает использовать положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. В статье проанализированы существующие в настоящее время концепции ограничения прав и свобод человека и гражданина. Обобщается практический опыт применения высшими судебными инстанциями положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в отношении внутрипартийной деятельности. Автор дает обобщенную характеристику европейской концепции ограничения прав и свобод человека и гражданина, применяемую Европейским судом по правам человека. На основании анализа теоретических концепций, а также привлечения отечественной и зарубежной практики правоприменения автор разрабатывает концепцию регулирования внутрипартийной ответственности, включающую две системы критериев. Первая система критериев направлена на выявление допустимости государственного вмешательства в сферу внутрипартийных отношений (критерии обоснованности и необходимости ограничений). Вторая – на выявление пределов государственного вмешательства (критерии минимальной достаточности ограничений и недопустимости искажения сущности ограничиваемого права).

Ключевые слова: ограничение прав и свобод, принцип соразмерности, сохранение сущности права, конституционно-правовая ответственность, внутрипартийная ответственность, внутрипартийная демократия, внутрипартийная дисциплина, нарушение партийной дисциплины, исключение из партии, отзыв кандидата в депутаты, исключение кандидата из списка.

Цитирование. Мамедова В. Э. Концепция допустимости и пределов ограничения прав и свобод человека и гражданина как основа двухуровневой системы регулирования ответственности членов политических партий // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 4. С. 142–151. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-142-151>.

V. E. Mamedova

CONCEPT OF ADMISSIBILITY AND LIMITS OF RESTRICTIONS OF HUMAN AND CITIZEN'S RIGHTS AND FREEDOMS AS THE BASIS OF A TWO-LEVEL SYSTEM FOR REGULATING OF RESPONSIBILITY OF MEMBERS OF POLITICAL PARTIES

© **Mamedova Vladislava Eduardovna** (vladislava0804@mail.ru), assistant lecturer of the Department of State and Administrative Law, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Author of 10 scientific works, including research articles: «Regulatory framework of the institution of responsibility of members of a political party», «Specificity of the development of corporate regulation of political organizations in Russia in the absence of their legislative institutionalization (until the beginning of the 20th century)».

Research interests: public law, constitutional law, party law.

ABSTRACT

The article deals with a topical question of law and party regulation of inner-party responsibility. The aim of the article is to develop a theoretical concept of two-level regulation of inner-party responsibility. The author's concept is based on clause 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation. The article gives a detailed analysis of modern concepts of restriction of rights and freedoms. It generalizes the enforcement practice of clause 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation by supreme juridical institutions. It also describes in short the practice of the European Court of Human Rights. Theoretical conceptions and enforcement practice are the basis of author's concept of regulation of inner-party responsibility, which includes two parts. The first part is aimed to find out grounds of admissibility of state intervention into party relations (criteria of validity and necessity). The second part is aimed to find out limits of state intervention (minimum security criteria and preservation of the essence of law criteria).

Key words: restriction on rights and freedoms, state regulation of political parties' activity, proportionality, preservation of the essence of law, constitutional responsibility, inner-party responsibility, inner-party democracy, inner-party discipline, violation of party discipline, expulsion of a party member, recall of a candidate, expulsion of a candidate.

Citation. Mamedova V. E. *Kontsepsiia dopustimosti i predelov ogranicheniia prav i svobod cheloveka i grazhdanina kak osnova dvukhurovnevoi sistemy regulirovaniia otvetstvennosti chlenov politicheskikh partii* [Concept of admissibility and limits of restrictions of human and citizen's rights and freedoms as the basis of a two-level system for regulating of responsibility of members of political parties]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2018, Vol. 4, no. 4, pp. 142–151. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-142-151> [in Russian].

Ответственность членов политических партий (внутрипартийная ответственность) является важнейшим механизмом, направленным на обеспечение нормального хода деятельности политических партий. Отражая амбивалентную природу политических партий, внутрипартийная ответственность имеет регулятивное значение как для отношений, складывающихся внутри партии, так и для публично-правовых отношений, участниками которых являются партии и ее члены, в том числе в статусе кандидатов в депутаты и депутатов. Эффективное развитие внутрипартийной ответственности представляется невозможным без сложившейся за предыдущее время двухуровневой системы регулирования, включающей подсистемы государственного (правового) и партийного регулирования. Сбалансированное функционирование такой системы является гарантией прав и законных интересов участников партийных отношений. Однако при решении

вопроса о распространении правового регулирования на отдельные группы внутрипартийных отношений необходимо осознание недопустимости чрезмерного государственного вмешательства в эту сферу. В настоящее время в законодательстве, а также правоприменительной практике не прослеживается использования какой-либо единой концепции построения правового регулирования конституционно-правового статуса политических партий, что является причиной возникновения пробелов в праве, создающих возможности для злоупотреблений как со стороны партий, их отдельных членов, так в отдельных случаях и со стороны государства. В связи с этим регулирование не только внутрипартийной ответственности, но и всей деятельности партий должно строиться на основе единой теоретической концепции, устанавливающей базовые принципы функционирования системы регулирования деятельности политических партий.

В научной литературе ведется дискуссия по выработке концепции государственного вмешательства в реализацию прав и свобод человека и гражданина (концепции ограничения прав и свобод человека и гражданина). В рамках указанной дискуссии можно выделить три основных подхода. Первый подход предполагает использование в качестве основного критерия ограничений прав принцип соразмерности (пропорциональности). Второй подход рассматривает принцип соразмерности как один из элементов системы критериев ограничения. Третий подход разрабатывает систему критериев ограничений прав на основе иных принципов.

Высокое регулятивное значение принципа соразмерности отмечается как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Так, Г. А. Гаджиев считает, что данный принцип «имеет в конституционном праве универсальное значение» [1, с. 28]; Б. Шлинк подчеркивает особое значение принципа в процессе защиты прав и свобод «от ограничений и вмешательства» [2, с. 67]; Д. М. Битти определяет пропорциональность как «универсальный критерий конституционности» [3, с. 186]; Р. Алекси полагает, что «взвешивание неизбежно, так как не существует другого рационального способа, с помощью которого основание ограничения права может быть соотносено с конституционными правами» [4, с. 74]. В рамках российской правовой системы принцип соразмерности традиционно выводится из формулировки ч. 3 ст. 55 Конституции РФ «права и свободы могут быть ограничены... только в той мере, в какой это необходимо». М. А. Баглай справедливо отмечает, что такая формулировка «порождает беспокойство в связи с возможностью слишком широкого толкования» [5, с. 193]. В этой связи большинство сторонников первого из выделенных нами подходов рассматривают принцип пропорциональности как систему трех тестов, предполагающих ответы на вопросы [6, с. 58–66; 7, с. 270–275]:

1) является ли конкретное ограничение подходящим для достижения конституционной (легальной) цели? (тест пригодности);

2) является ли такое ограничение необходимым для достижения установленной цели? (тест необходимости, минимальности);

3) не содержит ли ограничение чрезмерных обременений по сравнению с целью, достижение которой должно обеспечить? (тест приемлемости, сбалансированности). Третий вопрос предполагает применение «механизма взвешивания» и является выражением принципа пропорциональности в собственном (узком) смысле.

Однако следует отметить, что универсальность принципа соразмерности зачастую подвергается критике. В. С. Джексон отмечает, что признание одного принципа конституционного права «сверхкомпетентным» лишает отрасль возможности выполнять ее предназначение [8, с. 857]; А. Барак полагает, что «“балансирование” и “взвешивание” не приводят к выдающимся и непогрешимым правовым решениям» [9, с. 164]. С. Цакиракис, системно критикуя принцип пропорциональности, небезосновательно полагает, что регулятивным значением из трех тестов обладает только третий («взвешивание»), поскольку судебная практика не придает должного значения первым двум тестам, анализ целей ограничения с точки зрения их обоснованности

моралью либо иными ценностными системами ввергает правоприменителя в сферу неопределенности, а случаи явной нелегитимности цели ограничения минимальны [10, с. 48; 11, с. 69].

Представители второго из выделенных нами подходов стремятся преодолеть названные недостатки принципа соразмерности. Однако ряд концепций, формально относящихся ко второму подходу, фактически представляют собой рассмотрение тестов соразмерности в качестве самостоятельных принципов [12, с. 526]. В связи с тем что регулятивная значимость таких концепций тождественна концепциям первого подхода, мы не будем подробно останавливаться на их анализе. Большой интерес для исследования представляют концепции, предлагающие дополнительные критерии допустимости ограничения прав и свобод.

А. А. Подмарев и А. Ф. Квитко, помимо принципа соразмерности вводимых ограничений конституционным целям (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), предлагают следующие принципы [13, с. 15; 14, с. 12]: признание человека, его прав и свобод высшей ценностью и уважение достоинства личности (ст. 2 и ч. 1 ст. 21 Конституции РФ); соответствие ограничений конституционно закрепленным целям (ч. 3 ст. 55 и ч. 1 ст. 56 Конституции РФ); равенство ограничений прав и свобод (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ); запрет на ограничение прав и свобод по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ); требование определенной правовой формы закрепления ограничений (федеральный закон) (ч. 3 ст. 55 и ч. 1 ст. 56 Конституции РФ); соответствие ограничений прав и свобод международным стандартам (ч. 4 ст. 15 и ч. 1 ст. 17 Конституции РФ).

Л. Л. Беломестных в дополнение к принципу соразмерности предлагает использование принципов гуманности, солидарности, нравственности, ориентированности на интересы человека, законности, справедливости, равенства и обеспечения правосудием [15, с. 9].

И. И. Котляр указывает на необходимость соблюдения принципов законности, правопорядка, достоинства личности, абсолютизации прав и свобод, соразмерности, равенства и отсутствия дискриминации [16, с. 87–90].

Очевидным преимуществом концепций данного направления является их построение на правовых принципах, закрепленных в тексте Конституции РФ, содержание которых выводится из ее системного толкования. Тем самым авторы не допускают введения новых произвольных критериев, явно не предусмотренных действующей системой конституционного регулирования. В то же время рассмотренные концепции, в отличие от системы тестов соразмерности, являются достаточно громоздкими и не позволяют разрешить вопрос о правомерности ввода ограничений прав в конкретной ситуации, так как фактически не содержат механизма поиска ответа на данный вопрос. Полагаем, что, поскольку предлагаемые принципы выступают основой построения всей российской правовой системы, их следует использовать в качестве базы для разработки концепции ограничения прав и свобод, которая, в свою очередь, должна содержать универсальный механизм определения правомерности таких ограничений.

Попытку решить эту задачу предпринимает С. М. Воробьев, предлагая следующий механизм определения правомерности ограничений [17, с. 9]:

1) формальный критерий – «оговорка о законе» – исключительная компетенция федерального законодателя на ограничение основных прав;

2) материальный критерий – обоснованность – предполагает оценку важности оснований и целей, для защиты которых устанавливаются ограничения основных прав;

3) требование сохранения сущности содержания основных прав как проявление принципа уважения достоинства личности. Конкретизация данного требования предполагает установление минимального нормативно-правового содержания основных прав;

4) принцип соразмерности (в широком смысле), включающий критерии пригодности, минимальности, сбалансированности.

Рассмотренная концепция, заслуживая высокой оценки, содержит ряд положений, затрудняющих ее применение на практике. Во-первых, отсутствие универсального механизма оценивания «важности оснований и целей ограничения» нивелирует регулятивную значимость критерия обоснованности. Во-вторых, соблюдение требования сохранения сущности права через установление минимального нормативно-правового содержания основных прав представляется сложно реализуемым, поскольку ч. 3 ст. 55 Конституции РФ допускает ограничение не только основных прав и свобод, а ч. 1 ст. 55 Конституции РФ защищает не только закрепленные в Конституции РФ права, но и иные общепризнанные права и свободы человека и гражданина. Если предположить возможность составления исчерпывающего списка прав и свобод, текстуальное закрепление содержания каждого из них само по себе в силу несовершенства юридической техники и иных факторов могло бы привести к искажению сущности прав. Кроме того, закрепление содержания субъективных прав привело бы к значительному разрастанию законодательного массива, что, в свою очередь, может повлечь затруднения правоприменения.

Названные недостатки преодолеваются в концепции ограничения прав, предлагаемой В. В. Лапаевой [18, с. 2]. Акцентируя внимание на проблемах определения соразмерности прав человека и защищаемых ценностях общего блага, а также выявления сущности прав, она разрабатывает методологию разрешения названных проблем. Анализ первой проблемы в работах автора строится на обоснованной критике рассмотрения принципа соразмерности через призму понятий «баланс», «уравновешивание», «взвешивание» и т. д. Основной методологической ошибкой при использовании такого подхода В. В. Лапаева называет допущение о возможности соизмерения неоднородных явлений (субъективное право человека и конституционные ценности). Данная позиция подтверждается и в работах Р. Дворкина, который допускает применение «уравновешивания» только в ситуациях, когда «государству приходится выбирать между конкурирующими правами» [19, с. 271]. Иными словами, применение принципа соразмерности возможно только тогда, когда требующая защиты ценность находит свое выражение в конкретных правах и свободах, подвергающихся нарушениям. Причем угроза нарушения этих прав должна подтверждаться конкретными фактами [18, с. 2].

Вторую проблему механизма определения правомерности ограничений В. В. Лапаева решает следующим образом. Автор, исходя из позиций либертарного правопонимания, предлагает рассматривать сущность права как формальное равенство людей в свободе. Таким образом, недопущение искажения сущности права предполагает «отсутствие привилегий и дискриминации при реализации конституционного права» [20, с. 30]. Разработанные В. В. Лапаевой критерии обладают высокой теоретической и практической значимостью, поскольку создают универсальные инструменты разрешения вопроса о правомерности ограничений прав и свобод.

В целях составления полного представления о доктринальных разработках концепции ограничения прав и свобод обратимся к третьему подходу. Следует отметить, что в настоящее время данный подход является малоразработанным, а его последователи уделяют недостаточное внимание проблеме построения эффективного механизма определения правомерности государственных ограничений прав и свобод.

А. В. Смирнов заменяет принцип соразмерности принципом компенсации, который он предлагает понимать как «обязанность государства по встречному предоставлению индивиду эквивалентного общего блага взамен изъятия из его основных прав, сделанного в пользу насущных публичных интересов» [21, с. 15]. Такое встречное предоставление, по мнению автора, может быть реализовано в форме индивидуального встречного предоставления либо в форме общего блага. Полагаем, что практическое применение предлагаемого принципа проблематично. Во-первых, принцип компенсации допускает введение любого вида ограничений прав и свобод, в случае если государством будет предоставлено иное благо. Во-вторых, автор в своей статье не разрабатывает механизм определения эквивалентности ограничиваемого права и встречного предоставления. В-третьих, автор допускает установление опосредованных, а не прямых связей между ограничением и предоставлением (например, допускается отложенное во времени предоставление; предоставление может рассматриваться как гипотетическая возможность приобретения некоего блага, фактическая реализация которой может не наступить и т. д.). В-четвертых, судя по содержанию работы автора, оценка субъектом, чье право ограничивается, встречного предоставления в качестве блага необязательна. Таким образом, применение принципа компенсации в качестве единственного системного элемента концепции ограничения прав неоправданно, в то же время не следует отвергать возможность применения данного принципа в совокупности с другими.

Определенный интерес вызывает концепция ограничения прав Л. Я. Морозовой, включающая следующие критерии [22, с. 12]:

1) целесообразность (оптимальные как по форме, так и по объему ограничения с точки зрения наличия или отсутствия объективных потребностей);

2) демократизм (ввод ограничений не с целью ущемления прав одних и расширения прав других субъектов, а с целью защиты интересов личности, общества и государства);

3) законность (установление ограничений только законом);

4) минимальная достаточность (установление ограничений в той мере, в какой это необходимо);

5) единство (ввод ограничений в соответствии с едиными для всех требованиями, без установления предпочтений отдельным субъектам);

6) дифференцированность (степень и характер ограничений определяется их правовым статусом, а также особыми политическими или криминогенными особенностями в момент реализации).

Представленная концепция заменяет требование сохранения существа права, используемое представителями второго подхода, критерием демократизма. Как справедливо отмечает В. В. Лапаева, термин «демократический» в рамках российской социальной действительности обладает чрезмерно размытым содержанием [23, с. 108], что способствует его произвольному использованию в обоснование тех или иных ограничений и ставит под сомнение его регулятивное значение. Таким образом, концепция Л. Я. Морозовой не преодолевает проблему определения существа права.

Критерий целесообразности вводится Л. Я. Морозовой для разрешения проблемы «взвешивания» ограничиваемых прав и охраняемых ценностей. Однако попытки обоснования ограничений посредством неправовых категорий не способны выполнять регулятивную функцию, поскольку ввергают правоприменителя в сферу правовой неопределенности. Таким образом, концепция Л. Я. Морозовой заслуживает внимания при дальнейшей разработке механизма ограничения прав и свобод, однако не представляет окончательного решения исследуемой проблемы.

Попытка создания системы принципов государственного вмешательства в реализацию прав и свобод предпринимается Конституционным Судом Российской Федерации (далее – Конституционный Суд). Процесс формирования данной системы принципов включил три этапа.

На первом этапе формирования концепции ограничения прав и свобод Конституционным Судом в качестве базового принципа использовался принцип необходимости. Изначально при определении содержания данного принципа Конституционный Суд ограничивался воспроизведением текстуальной формулировки ч. 3 ст. 55 Конституции РФ (постановление от 19.05.1993 № 10-П). Позднее Конституционный Суд развивает эту формулировку, указывая на допустимость ограничений прав и свобод «лишь в пределах, необходимых для нормального функционирования демократического общества» (постановление от 17.09.1993 № 17-П). Вероятно, в силу низкого регулятивного потенциала принципа демократизма Конституционный Суд отказывается от представленной формулировки и начинает использовать принцип соразмерности в качестве базового для концепции ограничения прав. Переход от принципа необходимости к принципу соразмерности ознаменовал начало второго этапа развития концепции. Впервые принцип соразмерности был упомянут в постановлении от 04.04.1996 г. № 9-П: «права... могут быть ограничены... пропорционально, соразмерно определенным конституционно значимым целям». Следует отметить, что в указанном постановлении Конституционный Суд признал законодательные ограничения, парализующие реализацию прав граждан, несоизмеримыми, что свидетельствует о зарождении в логике правоприменителя принципа недопустимости посягательства ограниче-

ний на сущность прав и свобод. Однако этот принцип еще не был артикулирован Конституционным Судом, акцентировавшим в то время свое внимание на принципе соразмерности. Принимаемые после 1996 года Конституционным Судом постановления вносят частичные уточнения в толкование принципа соразмерности.

В 1999 году начинается третий этап формирования концепции ограничения прав и свобод Конституционным Судом, на котором правоприменитель переходит к использованию совокупности нескольких принципов. В постановлении от 23.11.1999 № 16-П Конституционный Суд применяет принцип соразмерности, а также вводит принципы оправданности ограничений и недопустимости искажения существа права.

Следует отметить, что впервые содержание принципа оправданности было подробно раскрыто в постановлении от 13.06.1996 № 14-П, в котором Конституционный Суд указал, что «публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправданным целям», однако впоследствии в течение долгого времени Конституционный Суд не использовал данный принцип при формировании правовой позиции.

Принцип недопустимости искажения существа прав и свобод, в свою очередь, был раскрыт в постановлениях от 01.04.2003 № 4-П и от 21.04.2003 № 6-П, в которых Конституционный Суд указал на то, что ограничения не должны затрагивать само существо конституционного права, т. е. ограничивать пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм.

Наиболее полно концепция ограничения конституционных прав впервые была сформулирована в постановлении Конституционного Суда от 30.10.2003 № 15-П, по отношению к конституционно-правовому статусу политических партий данная система была применена в постановлениях от 15.12.2004 № 18-П, от 01.02.2005 № 1-П, от 16.07.2007 № 11-П и др.

В настоящее время с учетом всех изменений, вносимых Конституционным Судом в свою позицию, данная система выглядит следующим образом.

Ограничения прав и свобод допустимы в случае их оправданности публичными интересами, перечисленными в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Такая оправданность возможна, «только если ограничения:

- 1) отвечают требованиям справедливости;
- 2) являются адекватными социально необходимому результату;
- 3) пропорциональными, соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений, обеспечивающими баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, то есть не чрезмерными, а только необходимыми и строго обусловленными этими целями (критерий разумной достаточности), не нарушающими равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности;
- 4) необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц (не являются произвольными);
- 5) не имеют обратной силы;
- 6) не затрагивают (искажают, умаляют, отменяют) само существо (основное содержание) конституционного права, т. е. не ограничивают пределы и примене-

ние основного содержания соответствующих конституционных норм и не приводят к утрате его реального (основного) содержания.

Несомненно, приведенная система принципов является собой положительную тенденцию, отражающую стремление правоприменителя конкретизировать механизм реализации ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. В то же время полагаем, что данная система нуждается в доработке.

Первый из элементов концепции Конституционного Суда РФ, принцип справедливости, вызывает проблему множественности толкования его содержания. Проблема многогранности содержания принципа справедливости подтверждается неуклонно растущим количеством исследований, посвященных данной теме [24; 25]. Не подвергая сомнению фундаментальное значение принципа справедливости для правового регулирования, отметим, что применение данного принципа в качестве одного из критериев концепции ограничения прав и свобод без выработки унифицированного понятия справедливости может привести к спекулированию его содержанием в целях обоснования ограничений.

Второй элемент концепции, принцип адекватности ограничений социально необходимому результату, позволяет вводить в систему принципов дополнительные неправовые критерии, что делает сам Конституционный Суд в постановлении от 01.02.2005 № 1-П, указывая на политическую целесообразность как обоснование изменения правового регулирования конституционно-правового статуса политических партий (в названном постановлении – изменения требования к минимальной численности партий). В литературе часто критикуются ссылки Конституционного Суда на необходимость обеспечения тех или иных неправовых ценностей как на основание ограничения прав. Следует согласиться с С. А. Беловым в том, что, «если суд начинает руководствоваться внеправовыми основаниями, он перестает применять право и начинает определять политику» [26, с. 145]. Очевидно, что содержание значительной части правовых норм неразрывно связано с содержанием норм морали, нравственности и проч. В то же время полагаем, что современную основу построения правового регулирования не должны составлять преимущественно неправовые ценности, поскольку в этом случае закон и правоприменительная практика становятся инструментом обеспечения интересов не народа в целом, а различных политических группировок. Таким образом, критерий адекватности ограничений социально значимому результату правомерен, только если под таким результатом понимается обеспечение конституционного содержания основных прав и свобод.

Проблемы применения принципов пропорциональности и соразмерности были в полной мере раскрыты при исследовании доктринальных концепций ограничения прав и свобод. Следует отметить, что правовые позиции Конституционного Суда не предлагают механизмов разрешения выделенных проблем (оценочный характер «взвешивания»), невозможность соизмерения неоднородных явлений и др.).

Применение в российской практике принципа необходимости также вызывает критику, поскольку, как правило, не содержит анализа возможностей использования иных способов обеспечения преследуемых целей и проверки потенциальной возможности использова-

ния данного метода для достижения указанных целей (т. н. тест пригодности [27, с. 23]).

Принцип недопустимости ограничения существа права, под которым предлагается понимать основное содержание права и недопущение чрезмерных его ограничений, не предоставляет универсального механизма выявления сущности конкретного права. В связи с этим правоприменитель производит работу по выявлению сущности субъективного права ситуативно, что позволяет толковать его сущность произвольно либо ставить толкование в зависимость от условий, в которых принимается решение.

Таким образом, из всех выработанных Конституционным Судом принципов в полной мере выдерживает критику только принцип недопустимости обратного действия вводимых ограничений. Резюмируя сказанное выше, можно отметить, что, обладая высоким регулятивным потенциалом, сформулированная Конституционным Судом концепция ограничения прав человека и гражданина в настоящее время является недостаточно проработанной, что позволяет спекулировать ее содержанием в целях обеспечения текущих политических интересов и потребностей.

Определенный интерес для выработки концепции ограничения прав и свобод человека и гражданина представляет практика Европейского суда по правам человека (далее – Европейский суд), преимущественно формирующаяся в рамках применения ч. 2 ст. 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), посвященной ограничениям свободы собраний и объединений. Исходя из содержания Конвенции, Европейский суд формулирует три критерия концепции ограничения прав (см., напр.: пар. 81, 86 постановления от 12.04.2011 «Дело “Республиканская партия России против Российской Федерации”» (жалоба № 12976/07); пар. 104 постановления от 18.01.2001 «Дело “Костер против Соединенного Королевства”» (жалоба № 24876/94)):

- 1) установление ограничения законом;
- 2) установление ограничения для достижения законных целей;
- 3) необходимость ограничения в демократическом обществе (обусловленность «настоятельной общественной потребностью»; соразмерность вводимого ограничения и преследуемой цели; относимость и достаточность доводов, приводимых национальными властями, в оправдание ограничения).

Представленная конструкция предполагает последовательное установление соответствия ограничения указанным критериям, в случае если ограничение не отвечает какому-либо критерию, проверка на соответствие следующим критериям не проводится.

Первый критерий включает полномочия по вводу ограничений в компетенцию государственного законодателя. При этом согласно данному критерию проверяется не только факт формального закрепления ограничения в национальном законодательстве, но и качество такого законодательства, проявляющееся в признаках доступности и предсказуемости. Признак доступности предполагает оценку реальной возможности участника отношения ознакомиться с законодательным положением об ограничении, то есть такое положение должно содержаться в публичном, а не секретном акте. Признак предсказуемости определяет четкое и ясное текстуальное закрепление содержания ограничения.

Второй критерий основывается на закрепленном в ч. 2. ст. 11 Конвенции перечне интересов, на защиту которых может быть направлено ограничение. При рассмотрении конкретного дела Европейский суд проводит содержательную интерпретацию указанных в Конвенции целей. Интерпретация, проводимая Европейским судом, предполагает выражение охраняемых ценностей через конкретные права и свободы, которые подвергаются нарушению в условиях отсутствия ограничений. При этом наличие таких нарушений прав должна подтверждаться конкретными жалобами и обращениями участниками правоотношений.

Следует отметить, что существуют случаи отхода Европейским судом от принципа последовательности применения критериев концепции и исключения применения первых двух критериев в силу особой значимости третьего критерия. Так, при рассмотрении дела «Христианско-демократическая народная Молдавии против Молдавии» (постановление от 14.02.2006) Европейский суд сослался на необходимость ограниченного толкования ч. 2 ст. 11 в силу важной роли политических партий в функционировании демократии. На данном основании Европейский суд посчитал допустимым пренебречь двумя первыми критериями концепции ограничения прав. Полагаем, что возможность исключения отдельных критериев концепции по усмотрению правоприменителя подрывает ее регулятивную значимость.

Однако рассмотрим третий критерий концепции, который включает в себя три элемента. Первый элемент – обоснованность ограничения «настоятельной общественной потребностью» – в делах, посвященных ограничениям права на политическое объединение, интерпретируется Европейским судом как необходимость обеспечения подлинной демократической политической системы. Отмеченное выше отсутствие единого общепринятого понятия демократии приводит к бессистемному применению данного элемента Европейским судом, что подрывает идею универсальности представленной концепции ограничения прав.

Практика применения Европейским судом второго и третьего элементов критерия необходимости в демократическом обществе (соразмерности вводимого ограничения и преследуемой цели; относимости и достаточности доводов, приводимых национальными властями в оправдание ограничения) свидетельствует об отсутствии единого подхода к применению данных элементов. При решении вопроса о соразмерности, относимости и достаточности значительную часть аргументации Европейского суда составляет анализ схожих дел, в которых судом уже был решен аналогичный вопрос. Следовательно, определение соответствия ограничений данным элементам зачастую сводится к «встраиванию» нового решения в сложившуюся систему принятых Европейским судом решений.

Таким образом, представленный анализ европейской концепции ограничения прав и свобод человека и гражданина позволяет выявить ряд ее достоинств (в частности, толкование критерия предусмотренности ограничения законом через признаки доступности и предсказуемости законодательства; выражение охраняемых целей через конкретные права и свободы, подвергнутых нарушениям и т. д.), применение которых в России может способствовать усовершенствованию практики ограничения прав и свобод. В то же время ряд

недостатков европейской концепции (в первую очередь оценочный характер элементов критерия соразмерности) свидетельствуют о ее несовершенстве и указывают на необходимость их учета при построении отечественной концепции ограничения прав и свобод.

Проведенный анализ основных теоретических положений концепции ограничения прав и свобод, практики Конституционного Суда и Европейского суда позволяет предложить следующую концепцию критериев допустимости и выявления пределов ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях построения правовых основ регулирования деятельности политических партий, в частности деятельности по привлечению членов партии к ответственности.

Предлагаемая нами система включает две части:

- 1) критерии допустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина;
- 2) критерии пределов ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Первая и вторая части подлежат применению последовательно.

Первая часть системы (критерии ограничения прав и свобод человека и гражданина) нацелена на доказательство мотивированности (оправданности) ввода ограничений и включает в себя критерий обоснованности ввода ограничений и критерий необходимости ограничений.

Критерий обоснованности ввода ограничений предполагает наличие законной цели ограничения, поименованной в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. При этом подтверждение наличия такой цели должно проявляться посредством интерпретации охраняемой конституционной ценности через конкретные права и свободы, которые подвергаются нарушению в условиях отсутствия ограничений. Указанные нарушения должны обладать признаками наличности и реальности, подтверждающимися судебными исками, жалобами субъектов, чьи права нарушены, то есть ввод ограничений для предотвращения гипотетических (потенциальных) нарушений недопустим. Таким образом преодолеваются проблемы применения концепции ограничения прав, вызванные неоднородностью прав, подлежащих ограничению, и конституционных ценностей, подлежащих защите.

В рамках регулирования внутрипартийной ответственности право автономного партийного регулирования (право коллективного субъекта) ограничивается в целях защиты субъективных прав граждан, а именно права на политическое объединение, пассивного избирательного права, прав депутатов. Таким образом, необходимость защиты конституционной ценности (субъективные права граждан) интерпретируется через необходимость защиты конкретных прав, которая подтверждается значительным количеством судебных исков об оспаривании партийных решений о привлечении ее членов к ответственности (определения Верховного Суда РФ от 01.09.2014 по делу № 3-35/2014838; от 13.09.2013 по делу № 49-АПГ 13-27838 и др.), а также сообщениями в средствах массовой информации [29; 30]. Необоснованное привлечение лица к внутрипартийной ответственности может стать основанием как ограничения качественного компонента реализации права на объединение (например, временной невозможности участия во внутрипартийных мероприятиях, смещения с партийной должности,

ограничения внутрипартийного пассивного избирательного права и т. д.), так и прекращения его реализации (в случае исключения члена из партии); а также оказать негативное воздействие на возможность реализации пассивного избирательного права в качестве кандидата от конкретной партии и прав депутатов (при досрочном прекращении полномочий).

Критерий необходимости вводимых ограничений предполагает подтверждение: во-первых, невозможности применения иных методов достижения заявленной цели; во-вторых, возможности достижения указанной цели посредством ограничения прав и свобод.

Как было отмечено ранее, применение неправовых регуляторов в целях обеспечения прав и свобод членов политических партий представляется затруднительным в силу низкой политической культуры российского общества, что, по сути, исключает возможность самоограничения политических партий в вопросе злоупотребления ими правом на автономное регулирование внутрипартийных отношений. На основании этого считаем, что ввод регулирования основных начал привлечения к внутрипартийной ответственности на законодательном уровне, а следовательно, обеспечение их силой государственного принуждения повысит гарантированность статуса члена политической партии, минимизирует количество возможностей для злоупотреблений со стороны политических партий и создаст дополнительные основания для реализации права на защиту членом политической партии в судебном порядке. В настоящее время такое регулирование установлено в отношении мер, применяемых к кандидатам в депутаты (отзыв кандидата в депутаты, выдвинутого по одномандатному (многомандатному) избирательному округу, политической партией, исключение кандидата из списка кандидатов в депутаты, выдвинутого политической партией, изменение очередности кандидата в депутаты в списке кандидатов). В целом партийная практика реализации названных мер свидетельствует о принципиальной возможности достижения цели защиты прав и свобод человека и гражданина посредством базового государственного регулирования отдельных мер внутрипартийной ответственности, поскольку значительная часть судебных решений об оспаривании партийных актов об исключении (отзыве) кандидатов в депутаты связана с несоблюдением партиями процессуальных правил привлечения членов партии к ответственности, а не с нарушением материальных норм (определения Верховного Суда РФ от 23.12.2011 № 33-Г11-41, от 09.10.2009 № 38-Г09-1241).

Вторая часть системы (критерии выявления пределов ограничения прав и свобод человека и гражданина) включает критерий минимальной достаточности ограничений и критерий недопустимости искажения существа права при вводе ограничений.

Критерий минимальной достаточности предполагает, что вводимое ограничение должно быть не просто пропорциональным или соразмерным защищаемым целям, а минимальным, т. е. недопустимо вводить ограничения «с запасом». При регулировании института внутрипартийной ответственности данный критерий означает недопустимость всеобъемлющего законодательного регулирования внутрипартийной ответственности. Государственное вмешательство в его регулирование должно ограничиваться закреплением основных

начал наложения мер ответственности, содержащих уровень гарантий, минимально достаточный для защиты статуса члена партии от злоупотреблений со стороны партии. Так, например, частичное государственное регулирование допустимо ввести в отношении исключения члена из политической партии, а также в отношении мер, применяемых к кандидатам в депутаты и депутатам, поскольку указанные меры, как правило, влекут прекращение соответствующего конституционно-правового статуса субъекта и препятствует реализации его прав.

При применении критерия недопустимости искажения существа права обоснованным видится предложенное В. В. Лапаевой использование принципа формального равенства как сущностного признака права, предполагающего недопустимость привилегий и дискриминации при реализации конкретных прав, в том числе равенство вне зависимости от должностного, административного, финансового положения. Правовое регулирование основ ответственности членов политической партии должно обеспечить равные возможности влияния членов политических партий на реализацию данного внутрипартийного механизма и минимизацию его использования «олигархической верхушкой» в целях устранения политических конкурентов.

Таким образом, в рамках настоящего исследования были разработаны критерии допустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина, которые способны выступить в качестве фундамента двухуровневой системы регулирования деятельности политических партий, в том числе внутрипартийной ответственности. Критерии выявления пределов ограничения прав и свобод человека и гражданина, в свою очередь, следует использовать в качестве ориентира при построении правовых основ реализации внутрипартийной ответственности. Представленную концепцию следует рассматривать в качестве теоретической базы для дальнейших исследований, посвященных ответственности членов политических партий, а также для разработки предложений по изменению действующего законодательства.

Библиографический список

1. Гаджиев Г. А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 16–28.
2. Шлинк Б. Пропорциональность. К проблеме баланса фундаментальных прав и общественных ценностей // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 56–77.
3. Beatty D. M. *The Ultimate Rule of Law*. New York: Oxford University Press, 2004.
4. Alexy R. A. *Theory of Constitutional Rights / Trans. by J. Rivers*. New York: Oxford University Press, 2002.
5. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма, 2009. 800 с.
6. Косла М. Пропорциональность: посягательство на права человека? Ответ Ставросу Цакиракису // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5. С. 58–66.

7. Рихтер И., Шупперт Г. Судебная практика по административному праву. М.: Юрист, 2000. С. 270–275.

8. Jackson V. C. Being Proportional about Proportionality // *Constitutional Commentary*. 2004. Vol. 21. No. 3.

9. Barak A. *The Judge in a Democracy*. New York: Princeton University Press, 2006.

10. Цакиракис С. Пропорциональность: посягательство на права человека? // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2011. № 2. С. 47–66.

11. Цакиракис С. Пропорциональность: посягательство на права человека? В ответ на статью Мадхава Кослы // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2011. № 5. С. 67–72.

12. Ковалев А. А. *Международная защита прав человека: учебное пособие*. М.: Статут, 2013. 591 с.

13. Квитко А. Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

14. Подмарев А. А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

15. Беломестных Л. Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: Теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

16. Котляр И. И. *Права человека*. Минск: Тесей, 2002. 256 с.

17. Воробьев С. М. Конституционные основы ограничений личных неимущественных прав в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

18. Лапаева В. В. Право граждан Российской Федерации на объединение в политическую партию: основания и пределы ограничения // *Журнал конституционного правосудия*. 2013. № 1. С. 1–8.

19. Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.

20. Лапаева В. В. Законодательное требование к численности политической партии как ограничение конституционного права на объединение: критерии правомерности // *Журнал российского права*. 2007. № 9. С. 25–34.

21. Смирнов А. В. К вопросу о критериях ограничения конституционных прав и свобод: принцип компенсации // *Журнал конституционного правосудия*. 2010. № 1. С. 15–21.

22. Морозова Л. Я. Институт ограничения политических прав и свобод работников правоохранительных органов в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996.

23. Лапаева В. В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // *Журнал российского права*. 2006. № 4. С. 103–115.

24. Деревесников А. В. Справедливость как принцип права: Историко-теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2005.

25. Соловьева А. А. Категория справедливости в правовом регулировании: историко-теоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

26. Белов С. А. Ценностное обоснование решений как проявление судебного активизма Конституционного Суда Российской Федерации // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2012. № 2. С. 140–150.

27. Должиков А. В. «Гордость и предубеждение»: соразмерность полного конституционного запрета заключенным голосовать в России. Постановление Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года // *Международное правосудие*. 2013. № 4. С. 11–31.

28. Железняк: Однопартийцы не подчиняются Миронову уже давно. URL: <https://er.ru/news/83113> (дата обращения: 06.08.2018).

29. Бывший кандидат в депутаты заксобрания края от ЛДПР оспаривает исключение себя из списка партии. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1828351> (дата обращения: 06.08.2018).

References

1. Gadzhiev G. A. *Printsip pravovoi opredelennosti i rol' sudov v ego obespechenii. Kachestvo zakonov s rossiiskoi tochki zreniia* [Principle of legal certainty and its provision by the courts. Quality of laws from Russian viewpoint]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2012, no. 4, pp. 16–28 [in Russian].

2. Shlink B. *Proportsional'nost'. K probleme balansa fundamental'nykh prav i obshchestvennykh tsennostei* [Proportionality in the context of the problem of balancing fundamental rights and public goals]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2012, no. 2, pp. 56–77 [in Russian].

3. Beaty D. M. *The Ultimate Rule of Law*. New York: Oxford University Press, 2004 [in English].

4. Alexy R. A. *Theory of Constitutional Rights*. Transl. by J. Rivers. New York: Oxford University Press, 2002 [in English].

5. Baglay M. V. *Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional law of the Russian Federation]. M.: Norma, 2009, 800 p. [in Russian].

6. Kosla M. *Proportsional'nost': posiatatel'stvo na prava cheloveka? Otvet Stavrosu Tsakirakisu* [Proportionality: an assault on human rights? A rejoinder to Tsakyrakis Stavros]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2011, no. 5, pp. 58–66 [in Russian].

7. Rikhter I., Shuppert G. *Sudebnaia praktika po administrativnomu pravu* [Judicial practice in administrative law]. M.: Iurist", 2000, 300 p. [in Russian].

8. Jackson V. C. Being Proportional about Proportionality. *Constitutional Commentary*, 2004, Vol. 21, no. 3 [in English].

9. Barak A. *The Judge in a Democracy*. New York: Princeton University Press, 2006 [in English].

10. Tsakirakis S. *Proportsional'nost': posiatatel'stvo na prava cheloveka? [Proportionality: an assault on human rights?]. Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2011, no. 2, pp. 47–66 [in Russian].

11. Tsakirakis S. *Proportsional'nost': posiatatel'stvo na prava cheloveka? V otvet na stat'iu Madkhava Kosly* [Proportionality: an assault on human rights? A reply to Madkhava Cosla]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2011, no. 5, pp. 67–72 [in Russian].

12. Kovalev A. A. *Mezhdunarodnaia zashchita prav cheloveka: uchebnoe posobie* [International Protection

of Human Rights: textbook]. M.: Statut, 2013, 591 p. [in Russian].

13. Kvitko A. F. *Konstitutsionno-pravovye osnovy ogranicheniia prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Constitutional and legal bases of restrictions of the rights and freedoms of a person and a citizen in the Russian Federation: Candidate's of Legal Sciences thesis]. M., 2007 [in Russian].

14. Podmarev A. A. *Konstitutsionnye osnovy ogranicheniia prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Constitutional and legal bases of restrictions of the rights and freedoms of a person and a citizen in the Russian Federation: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2001 [in Russian].

15. Belomestnykh L. L. *Ogranichenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina: teoreticheskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Limitation of human and civil rights and freedoms: Theoretical aspect: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. M., 2003 [in Russian].

16. Kotlyar I. I. *Prava cheloveka* [Human rights]. Minsk: Tesei, 2002, 256 p. [in Russian].

17. Vorobyev S. M. *Konstitutsionnye osnovy ogranichenii lichnykh neimushchestvennykh prav v deiatel'nosti organov vnutrennikh del: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Constitutional bases of restrictions of personal non-property rights in the activity of law enforcement bodies: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Yekaterinburg, 2001 [in Russian].

18. Lapayeva V. V. *Pravo grazhdan Rossiiskoi Federatsii na ob"edinenie v politicheskuiu partiiu: osnovaniia i predely ogranicheniia* [Russian citizens' right to form a political party: grounds and limits of restriction]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiia* [Journal of Constitutional Justice], 2013, no 1, pp. 1–8 [in Russian].

19. Dvorkin R. *O pravakh vs'er'ez* [Talking Rights Seriously]. M.: ROSSPEN, 2004, 392 p. [in Russian].

20. Lapayeva V. V. *Zakonodatel'noe trebovanie k chislennosti politicheskoi partii kak ogranichenie konstitutsionnogo prava na ob"edinenie: kriterii pravomernosti* [Legislative requirement to the number of a political party as a restriction of the constitutional right to association: eligibility criteria]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2007, no. 9, pp. 25–34 [in Russian].

21. Smirnov A. V. *K voprosu o kriteriiakh ogranicheniia konstitutsionnykh prav i svobod: printsip kompensatsii* [On the issue of criteria for limiting constitutional rights and freedoms: the rules of compensation]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiia* [Journal of Constitutional Justice], 2010, no. 1, pp. 15–21 [in Russian].

22. Morozova L. Ya. *Institut ogranicheniia politicheskikh prav i svobod rabotnikov pravookhranitel'nykh organov v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Institute for Limiting Political Rights and Freedoms of Law Enforcement Officials in the Russian Federation: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. SPb., 1996 [in Russian].

23. Lapayeva V. V. *Kriterii ogranicheniia prav cheloveka s pozitsii libertarnoi kontseptsii pravoponimaniia* [Criteria for limiting human rights from the perspective of the libertarian concept of legal understanding]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2006, no. 4, pp. 103–115 [in Russian].

24. Derevesnikov A. V. *Spravedlivost' kak printsip prava: istoriko-teoreticheskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Justice as a principle of law: historical and theoretical aspect: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Kostroma, 2005 [in Russian].

25. Solovyeva A. A. *Kategoriia spravedlivosti v pravovom regulirovanii: istoriko-teoreticheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Category of justice in legal regulation: historical and theoretical study: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Chelyabinsk, 2006 [in Russian].

26. Belov S. A. *Tsennostnoe obosnovanie reshenii kak proiavlenie sudebnogo aktivizma Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Value-based approach to the argumentation as a form of judicial activism of the Russian Constitutional Court]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2012, no. 2, pp. 140–150 [in Russian].

27. Dolzhikov A. V. «Gordost' i predubezhdenie»: sorazmernost' polnogo konstitutsionnogo zapreta zakliuchennym golosovat' v Rossii. *Postanovlenie Evropeiskogo suda po pravam cheloveka ot 4 iulia 2013 goda* [«Pride and prejudice»: proportionality of blanket constitutional ban on the right to vote for detained persons in Russia. Judgment of the European Court of Human Rights as of July 4, 2013]. *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice], 2013, no. 4, pp. 11–31 [in Russian].

28. *Zhelezniak: odnopartiitsy ne podchiniautsia Mironovu uzhe davno* [Zheleznyak: Party members have not obey Mironov for a long time]. Available at: <https://er.ru/news/83113> [in Russian].

29. *Byvshii kandidat v deputaty zaksobraniia kraia ot LDPR osparivaet iskliuchenie sebia iz spiska partii* [Ex-candidate for deputies of the Legislative Assembly of the region from the LDPR disputes the expulsion from the party list]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1828351> [in Russian].